

ЮБИЛЕЙ О.И. ШКАРАТАНА

10 ноября исполнилось 80 лет одному из основателей и первопроходцев современной российской социологии — доктору исторических наук, профессору и заслуженному деятелю науки Овсею Ирмовичу Шкаратану.

В своей рассылке коллегам от 16.11.2011 питерский социолог Андрей Алексеев написал: «Я сам принадлежу к тем, кому повезло несколько лет работать под его началом (1972–1975, межведомственная социологическая лаборатория ИСИ АН СССР и Финансово-экономического института им. Вознесенского). Тогда это не осознавалось, по крайней мере, некоторыми из нас, как везение. Но когда чуть ли не 40 лет спустя вдруг состоялся импровизированный сбор сотрудников его тогдашней лаборатории, и по сей день проживающих в Питере, общим выводом было: “Спасибо и да здравствует Шкаратан!”».

В лице тогдашнего руководителя социологической лаборатории ЛГУ я постоянно общался с Овсеем Ирмовичем (по-товарищески — просто Овсе-ем), и мы немало учились друг у друга. Лаборатория Шкаратана, несомненно, лидировала в исследованиях социальной структуры, причем ему удалось доказать на материалах Татарии, что соцструктура советского общества одной национальной культуры отличается от соцструктуры иной культуры (в частности по исследованиям ленинградских рабочих). Не тогда ли Овсею пришла мысль рассмотреть социальные проблемы под углом зрения цивилизационных различий, а не формационных, как это было принято в те годы?

Именно О.И. Шкаратан создал социологический факультет в ГУ–ВШЭ, где является сейчас заведующим лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ и вот уже несколько лет организует междисциплинарные семинары с участием видных историков, имея целью понять влияние национальной культуры на трансформационные сдвиги в этих странах. И именно он создал один из наиболее авторитетных междисциплинарных журналов «Мир России», в котором отечественные и зарубежные социологи почитают за честь быть опубликованными. Не буду говорить о его блестящих учебных пособиях по социальной структуре и социальным отношениям.

Публикуемая статья юбиляра убеждает в том, что он остается системно мыслящим, плодотворно работающим ученым.

Дорогой Овсей Ирмович, прими наши поздравления с восьмидесятилетием и, пожалуйста, следи за своим здоровьем.

Твой старый друг,

Владимир Ядов

О.И. ШКАРАТАН

ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Статья посвящена теоретическому анализу основополагающего для социологии понятия «общество». Э. Гидденс, Н. Луман, И. Валлерстайн и многие другие современные социологи скептически относились к познавательным возможностям самого понятия «общество» из-за его многозначности, абстрактного характера и трудностей использования в практике, отмечали трудности концептуализации данного понятия, его недостаточную изученность.

В статье приняты во внимание изменения в современном мире, процессы глобализации и складывания сетевого общества. В основу анализа положена теория систем, находящихся в состоянии динамического хаоса, развитая Нобелевским лауреатом И. Пригожиным. Рассмотрен вклад Никласа Лумана в применение к социальному миру теории неравновесности, непредопределенности поведения сложных самоорганизующихся систем.

Ключевые слова: общество, сложная самоорганизующаяся социальная система, непредопределенность в поведении систем, социальный порядок и хаос, флуктуация социальной системы, трансформирующееся общество, этакратическая социетальная система.

Складывание научных понятий «общество», «общность»

Что же такое «общество»? Как ни странно, с этим основным для социологов понятием (ведь социология — это наука об обществе) связаны сплошные недоразумения и многопоколенные дискуссии. Крупнейшие социологи (Э. Гидденс, Н. Луман и др.) отмечали трудности концептуализации данного понятия, его недостаточную изученность [10, с. 57–82; 18, с. 196–235]. А И. Валлерстайн скептически относился к познавательным возможностям самого понятия «общество» из-за его многозначности, абстрактного характера и трудностей использования в практике; «общество — это половина противоречивого тандема, другой частью которого является государство» [42, р. 316–317]. Но у нас нет другого выхода, кроме как попытаться выйти из этой ситуации.

Шкаратан Овсей Ирмович — доктор исторических наук, профессор; ординарный профессор кафедры экономической методологии и истории факультета экономики НИУ «Высшая школа экономики», заведующий лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ. **Адрес:** 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11, ком. Ж-412. **Телефон** (495) 772–95–90.
Электронная почта: ovsey.shkaratan@gmail.com

Первая проблема, которую следует решить, — что мы примем за родовое понятие, если общество считать видовым, то есть по отношению к чему более глобальному оно выступает как частный случай, частное явление? По-видимому, вполне оправданно считать таким более общим понятием человеческое объединение. Ведь в жизни мы наблюдаем самые разные объединения людей. Первое из них — популяция, то есть объединение по природным взаимодействиям людей. Другое — возникающее в результате эмоционального взаимодействия. Назовем его условно (это не очень удачный, уже занятый термин) — общение. Властно-правовое взаимодействие людей порождает государство. И наконец, их деятельностное взаимодействие, то есть обмен результатами деятельности (например разделение труда), порождает *общество*.

Следующий момент — отделение «общества» от его составных частей, также носящих его основные свойства. Это особенно относится к территориальным общностям. Говоря об обществе, скажем, российском или японском, мы имеем в виду что-то другое, чем, например, некая добровольная ассоциация людей или община, где тоже происходит обмен результатами деятельности, где люди тоже дополняют действия друг друга. Разграничение с общиной особенно важно. По Ф. Теннису, последняя предполагает органическое единство людей, единство целей и интересов, взаимодействие, личный контакт, способность отстаивать свои групповые интересы. Сходство и единение в общине сильнее, чем вне ее. Примерами общностей–общин являются: деревенские сообщества, клубы по интересам и т. д. Другими словами, это такие объединения людей, в которых они как бы живут одной жизнью. Общество же строится на «механической» связи, на рациональном расчете взаимодействующих индивидов [28; 32, с. 90–105].

В научных кругах преобладали два взгляда на общество. Во-первых, как на простую совокупность людей. Во-вторых, как на целостное образование — организм. Мы присоединяемся к тем авторам, которые принимают общество за целостное образование, имеющее свою жизнь, не сводимую к существованию составляющих его людей, особый субъект, развивающийся по своим, только ему присущим законам. Еще К. Маркс писал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех идей и отношений, в которых эти индивиды относятся друг к другу» [21, с. 214].

Убежденным сторонником такого подхода к обществу был выдающийся французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917). Он настаивал на том, что общество представляет собой внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность, не сводимую к другим ее видам, включенную в универсальный природный порядок. «...Общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*,

наделенную своими особыми свойствами. ...Индивид испытывает давление постоянно существующего общества, где к действию современников присоединяется действие предыдущих поколений и традиций!» [12, с. 493, 496].

Крупнейший британский социолог XIX в. Герберт Спенсер (1820–1903), подчеркивая отличия общества от животных организмов, называл его социальным организмом: «...В социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних» [27, с. 284]. Спенсер понимал общество как квазиорганизм, в котором его подсистемы выполняют необходимые функции по сохранению общественного целого. Этот подход находит продолжение в функционализме XX в.

Основоположник структурно-функциональной теории, выдающийся американский социолог Толкотт Парсонс (1902–1979) считал, что при определении общества применим критерий, предложенный еще Аристотелем. Общество — это тип социальной системы, который достигает наивысшего уровня самодостаточности по отношению к окружающей среде. Это видение общества контрастировало с широко распространенным взглядом на него как на композицию конкретных человеческих индивидуальностей. Приняв такое понимание общего критерия самодостаточности, Парсонс разделил его на пять субкритериев, каждый из которых относится к одной из пяти сред социальной системы — общества: высшей реальности, культурным системам, системам личности, поведенческим организмам, физико-органическому окружению. Самодостаточность общества есть функция от сбалансированной комбинации контроля общества над его отношениями с этими пятью средами и над его собственной внутренней интеграцией [41, р. 9].

Развивая подход Т. Парсонса к обществу, американский социолог Эдуард Шилз отмечал, что понятие «общество» применимо к любой исторической эпохе, к любому по численности объединению (группе) людей, если это объединение отвечает следующим признакам:

1) объединение не является частью какой-либо более крупной системы (общества); оно суверенно по отношению к другим суверенным объединениям людей (обществам). Особым условием существования общества (в отличие от общины) является самостоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение. По Т. Парсонсу, оно «обладает наивысшей степенью самодостаточности». В то же время полная самостоятельность не является необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Все общества современного типа экономически взаимозависимы, их культуры не вполне самобытны;

2) оно имеет территорию, которую считает своей собственностью;

3) оно пополняется преимущественно за счет детей тех людей, которые являются его признанными представителями;

4) у него есть собственное название и своя собственная история, то есть такая история, в которой многие его взрослые члены или большинство таковых видят историческое объяснение их связей со «своим собственным прошлым»;

5) общество — это не просто совокупность объединившихся людей, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей (центральной) властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру;

6) его объединяет общая система ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой. Каждое общество приобретает наряду с центральной системой власти центральную культурную систему. Происходит это в силу того, что создатели культуры «сплошь и рядом непосредственно касаются в своих религиозных проповедях или философских рассуждениях, в своих литературных трудах или произведениях изобразительного искусства фактов и символов центральной власти». В то же время какую-то часть своей культуры общество разделяет с другими обществами, с которыми поддерживает отношения. Культурная система имеет свою собственную институциональную систему: школы, университеты, церкви и т. д.;

7) объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида;

8) браки преимущественно заключаются между представителями данного объединения.

Каждое общество может быть представлено как состоящее из центра и периферии. Центр образуют те институты, которые осуществляют власть (экономическую, административную, политическую, военную, культурную). Периферия слагается из таких сегментов (секторов) общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них. Все общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают и пространственным центром, который является местоположением центральной институциональной системы.

Таким образом, в рамках предложенного подхода обществом следует называть самую крупную группу, в которой только приходится жить людям и в которую включаются все другие группы [33, с. 341–359].

Многие современные социологи также обосновывали принцип несводимости общества к образующим его людям. Среди них обращает на себя внимание представитель так называемого реалистского

направления — британский социолог Рой Бхаскар. Он подчеркивал, что разнообразные школы общественной мысли можно трактовать как принадлежащие к одному из двух лагерей. В одном (М. Вебер и его последователи) социальные объекты рассматриваются как результаты целенаправленного человеческого поведения. В другом (Э. Дюркгейм и его сторонники) они видятся как обладающие собственной жизнью, внешней и принудительной по отношению к индивиду. Бхаскар присоединяется к позиции Дюркгейма и в подкрепление приводит высказывание Маркса из его посмертно опубликованных рукописей, процитированное мною выше [7, с. 225].

По мнению Бхаскара, общество не существовало бы без человеческой деятельности. Но уже неверно говорить, «что субъекты творят общество. Скорее, надо бы сказать: они *воспроизводят* или *преобразуют* его; т. е. если общество всегда предстает уже созданным, “готовым”, тогда любая... человеческая практика... может только изменить его» [7, с. 227]. Другими словами, по Бхаскару, общество не существует независимо от человеческой деятельности, но оно и не продукт ее. «Общество... обеспечивает необходимые условия для целенаправленного... человеческого действия, и целенаправленное человеческое действие есть необходимое условие жизни общества. Общество существует только в человеческом действии, но человеческое действие всегда выражает и использует ту или иную социальную форму» [7, с. 229].

Изложенный выше подход к определению общества выражает позицию сторонников структурализма. В рамках этого направления социологической мысли, прежде всего, сохраняет свое значение организмическая теория общества, то есть общество рассматривается как социальный организм, развивающийся по специфическим законам. Эти законы, в том числе и законы функциональной взаимосвязи между частями социального целого, равно как и закономерности перехода от одного состояния организма (или системы) к другому, есть социальная реальность, которая проявляется в поведении индивидов, направленном на адаптацию к объективным социальным изменениям. Таким образом, индивид в рамках структурно-функциональной концепции рассматривается сквозь призму процессов социализации, девиантного поведения и социального контроля. Власть же понимается не только как средство социального контроля, но и как важнейший ресурс общества, используемый — функционально или дисфункционально — в целях адаптации частей к закономерно изменяющемуся целому.

В этой социологической традиции общество описывается через структурные категории различного типа — классы, слои, страты. Наличие этих компонент в обществе есть *социальная реальность* (а не плод воображения), и эта реальность по отношению к каждому индивиду оборачивается совокупностью «ниш» (или предуготованных

социальных ролей), внутри которых, с известной долей вероятности, и пройдет его жизнь.

Попутно заметим, что в рамках другого варианта традиционной социологической мысли — символического интеракционизма (который автор этой статьи не приемлет) социальная реальность связывается с нормативно-ценностными структурами. Следовательно, в контексте отношений «общество – индивид» подчеркивается не идея предоставляемых ниш (социальных ролей), а идея смысловозначений — составляющих для конструирования и интерпретации личной биографии. Эта теоретическая модель представляет собою принципиальную оппозицию любым вариантам органицизма. Главный момент социальной реальности — *взаимодействие индивидов*. Причем сами индивиды рассматриваются в качестве социальных существ, обладающих способностью к производству символов. Любая социальная реальность представляет собою символическое пространство, где главным для субъекта оказывается то значение, которое придается соответствующим предметам, действиям, отношениям. Общество с этой точки зрения не есть ни географическая, ни демографическая, ни экономическая реальность, оно есть социальное пространство, в котором индивиды взаимодействуют на основе создаваемых и воспринимаемых ими символических значений. Сами эти символы — составляющие сложной картины мира, в них выражена общественная сущность человека, его способность руководствоваться в своем поведении социально значимыми ценностями, интересами, потребностями [13, с. 10–11].

В современном мире происходят изменения, которые во многом ставят под сомнение только что рассмотренные определения общества и систему его признаков. Во-первых, говоря об обществе, зачастую имеют в виду не один национально-государственный (социально-исторический) организм, а систему таких организмов, например, Западную Европу, или, все чаще, Европейский Союз, или Арабский мир и т. д. Во-вторых, это связано с процессами глобализации и складыванием сетевого общества и сетевых предприятий во всем современном мире. Все это затрагивает само понятие общества, унаследованное социологией от прошлого и являвшееся на протяжении XIX и XX веков центральным понятием у социологов. Как пишет И. Валлерстайн, анализ мировых систем превращает общество как единицу анализа в предмет споров. «Что же теперь представляют собой единства, внутри которых происходит социальная жизнь?» [42, р. 317]. В рамках социологической теории приходится теперь выбирать между двумя подходами: принятием глобальной системы как совокупности локальных обществ или принятием глобальной системы как единого мирового общества [19, с. 128–143].

Итак, конкретные общества выступают как некие целостности, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. В этом смысле мы называем данные целостности «социальными организмами», поскольку их основной функцией является обеспечение вступающим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства.

В число таких условий входят: единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего наряду с другими средством общения), единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать, и т. д. Подобными социальными организмами (обществами) в современном мире следует, видимо, признать национально-государственные общности. Глобальную же систему мы будем рассматривать как совокупность локальных обществ. В отличие от других социальных совокупностей, они охватывают взаимоотношения и взаимосвязи классов и иных социальных групп, выявляют в них общее, а не особенное. Их важнейшей функцией и является объединение социальных групп в некую целостность, в рамках которой могут осуществляться социальные взаимодействия, происходить социальные процессы.

Базовые категории системного анализа общества. Решающие события формирования современной теории систем

Ключевым моментом в социологическом видении общества является рассмотрение его как социальной системы. Только на основе общей теории систем можно понять сущность и эмпирически изучить общество. *Общество — самоорганизующаяся, саморазвивающаяся, самодостаточная система. Ее основное свойство — способность к самовоспроизводству.* Базовыми категориями системного анализа общества являются: структура, среда, коммуникации, информация, обмен с внешней средой.

В социальной системе общества есть свое ядро, центр. Его образуют: экономика; культура; стратификация, распределение ролей, престижей, статусов; наконец, политика и управление. Основными компонентами структуры общества являются социальные институты, социальные организации, социальные группы (общности). Интегральными средствами влияния одних структур общества на другие служат: ценности, нормы; электоральные ожидания, требования; властные предписания; социальные программы.

Обращение к истории системных идей можно начинать со знаменитого аристотелевского «целое больше суммы своих частей», продолжить кантовским убеждением, что истинной формой знания является его система. Никем не оспаривается вклад К. Маркса, который

развил первую научную теорию общества как системы. Он выделил в качестве основных элементов социально-экономической системы производительные силы, производственные отношения, правовую и политическую надстройку. Рассматривая отношения власти и собственности, он придал последней определяющее значение. Его теория была ориентирована на объяснение динамики социальных отношений. В качестве системных факторов динамики социально-экономической системы он принимал насилие и конфликты, прежде всего, классовые. Его теория конфликтов получила развитие в неомарксистской версии функционирования и развития социальных систем. Эти вопросы подробнее рассмотрены в других публикациях.

Лишь в XX в. произошли решающие события в становлении современного системного мышления. Специалисты выделяют три основных источника этого мышления:

- 1) тектологию, или «всеобщую организационную науку» Александра Александровича Богданова (Малиновского по подлинной фамилии) (1873–1928). Теория сформулирована и опубликована в 1913–1917 гг.;
- 2) общую теорию систем Людвиг фон Берталанфи (1945);
- 3) кибернетику Норберта Винера (1948).

Системность всеобщей организационной науки — ее наиболее существенное свойство. А.А. Богданов использовал термин «комплекс» в том значении, в каком ныне применяется понятие «система». Он его интерпретировал не просто как множество взаимосвязанных элементов, но и как процесс изменения их организации, обусловленный структурной связанностью «комплекса» и его окружения (теперь сказали бы — среды).

Для описания общественного порядка Богданов применил термин «социальная система». Общество согласно его теории — это сочетание многих элементов, внешних (физическая природная среда, взаимодействие с другими обществами) и внутренних, среди которых решающая роль принадлежит группам, выполняющим функции управления, причем к числу равноправных факторов он относил и идеологию этих управляющих групп. Богданов был первым теоретиком управленческого класса, общества управляющих. Общество как система, по мысли ученого, демонстрирует состояние равновесия. Задача тектологии — превратить мир в организованное целое, «каким он реально не был». Тектология — от греческого слова *tectonike* — строительное искусство [6].

Несмотря на глубоко системное содержание, тектология Богданова не оказала сколько-нибудь ощутимого влияния на формирование системного мышления второй половины XX в. Ни создатель общей теории систем Людвиг фон Берталанфи, ни основоположник кибернетики Норберт Винер, судя по их работам, вероятно, не знали трудов Богданова.

Создатель общей теории систем Л. фон Берталанфи (1901–1972) был биологом-теоретиком. В конце 1940-х годов он выдвинул программу построения общей теории систем, предусматривающую формулирование общих принципов и законов поведения систем независимо от их вида, природы их элементов и отношений между ними. Общая теория систем является наддисциплинарной научной теорией, созданной для теоретического и эмпирического изучения всех типов систем, включая физические, биологические, психологические и, наконец, социальные (семья, локальная общность, социальная организация, общество) [37, 4; 14, с. 23–82].

Эта теория предложила новые принципы познания и научно-практической деятельности. В ее развитие и обоснование включились такие видные ученые, как А. Рапопорт, М. Месарович, У. Росс Эшби, Р. Акоф и другие [14]. После первых публикаций по общей теории систем термины «система», «структура», «связь», «отношение», «подсистема», «окружающая среда», «элемент», «целостность», «часть – целое», «управление» и связанные с ними вошли в число наиболее употребительных в науке и в различных сферах практической деятельности. Стало очевидным, что эти понятия нельзя определить обособленно, независимо друг от друга, что все они образуют некоторую концептуальную систему, компоненты которой взаимосвязаны и в своей целостности задают представление о логическом каркасе системного подхода. Применение этих понятий разными авторами и в разных науках существенно различается — и не только по критерию приписываемых значений, но и, что более важно, по содержательным и формальным принципам.

Следует подчеркнуть, что российские ученые внесли ощутимый вклад в развитие теории систем. Начиная с 1960-х гг., в России стали регулярно выходить специальные сборники по проблемам общей теории систем и ее приложений к изучению реальных объектов сложной природы. В 2009 году вышел из печати 34-й ежегодник «Системные исследования». Мировое признание получили труды И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, А.И. Умова, Б.Г. и Э.Г. Юдиных и ряда других исследователей [5, 25, 29, 35].

Один из основных создателей кибернетики Норберт Винер (1894–1964) — математик. В 1948 г. он выпустил книгу под названием «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» [9]. Несколько позднее он издал книгу «Кибернетика и общество» [8]. Исходное греческое слово «кибернетика» означает искусство управления. Термин «кибернетика» в современном понимании означает науку об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Это понятие Винер ввел в научный оборот в 1948 г. Речь шла о науке, рассматривающей процессы управления в сложных динамических системах и

основанной на теоретическом фундаменте математики и логики, а также на применении средств автоматизации и компьютеров. Винер раскрыл сходство в обмене информацией между живыми организмами и внутри организма, с одной стороны, и между машинами или в самой машине — с другой. В то же время необходимо принимать во внимание существенные различия между ними.

Кибернетические методы применяются при исследовании случаев, когда действие системы в окружающей среде вызывает некоторое изменение самой среды, а эти перемены через обратную связь сказываются на системе, что меняет способы ее поведения. В исследовании этих «петель обратной связи» и заключаются методы кибернетики.

Как показал В.Н. Садовский, следует рассматривать (при применении системного подхода) общую теорию систем и кибернетику в их взаимосвязи. Это необходимо, в частности, при построении универсальных теоретических концепций, описывающих все возможные типы систем (общая теория систем) или общие свойства живых и неживых систем (кибернетика). В своем единстве эти два теоретических основания подводят к осознанию системно-управленческого характера всех важных для человечества практических проблем, прежде всего социальных [26, с. 65, 68].

Т. Парсонс и его теория общества как социальной системы. Развитие Р. Мертоном и Дж. Александером теории Парсонса

Опираясь на общую теорию систем и теорию общих свойств живых и неживых систем (кибернетику), теорию общества как социальной системы развил выдающийся американский социолог Толкотт Парсонс. Его труды стали событием в общественной мысли 1950–1960-х гг. Они оказывают огромное влияние на теоретиков и аналитиков и в настоящее время. И поныне нет ничего равноценного по глубине и целостности теоретической системе Т. Парсонса [24, 41].

По мнению Т. Парсонса, научная социология начинается с того момента, когда общество рассматривается как система. По его убеждению, основоположником такого подхода к обществу был К. Маркс. Парсонс строит следующую теоретическую модель социальной системы. Широко развертывающиеся социальные взаимодействия порождают сеть социальных отношений, организованную (гомеостазис) и интегрированную (равновесие) благодаря наличию общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей) таким образом, что она оказывается способной стандартизировать отдельные виды деятельности (роли) внутри себя самой и сохранять себя как таковую по отношению к условиям внешней среды (адаптация). Социальная система, следовательно, представляет собой систему социального действия, но лишь в самом абстрактном смысле слова.

Т. Парсонс писал по этому поводу: «Поскольку социальная система создана взаимодействием человеческих индивидов, каждый из

них одновременно и деятель (actor), имеющий цели, идеи, установки и т. д., и объект ориентации для других деятелей и для самого себя. Система взаимодействия, следовательно, есть абстрактный аналитический аспект, вычлняемый из целостной деятельности участвующих в ней индивидов. В то же время, эти “индивиды” — также организмы, личности и участники систем культуры» [41, р. 8]. Парсонс справедливо отмечает, что его представление об обществе коренным образом отличается от общепринятого восприятия его как совокупности конкретных человеческих индивидов [41, р. 9].

Любая система, в том числе и социальная, означает взаимозависимость, то есть любое изменение в ее части сказывается на всей системе. Это общее понятие взаимозависимости может быть развито в двух направлениях. Первое — необходимые условия, которые образуют иерархию обуславливающих факторов. Эти факторы таковы:

1) прежде всего, чтобы осуществлялась человеческая деятельность, необходимы физические условия для жизни человека;

2) для существования общества необходимо наличие индивидуумов. Пример Парсонса: если где-то в другой солнечной системе есть разумные существа, то они не такие, как мы, биологически, и скорее всего поэтому и социальная жизнь у них другая;

3) отсюда следует, что третий уровень иерархии необходимых условий существования общества — это психофизиологические условия;

4) наконец, четвертый уровень образует система норм и ценностей, существующих в данной совокупности людей = обществе.

Второе направление — это иерархия управления и контроля, иначе, иерархия контролирующих факторов. К обществу можно в этом отношении подойти как к взаимодействию двух подсистем, одна из которых обладает энергией, а другая — информацией. Первая — это экономика. Экономическая сторона в жизни общества обладает высокими энергетическими потенциями, но она может быть управляема носителями идей, не участвующими непосредственно в производстве, но организующими людей.

Здесь большое значение имеет проблема идеологии, ценностей и норм, которые обеспечивают контроль над обществом. Сам этот контроль существует, реализуется в сфере (подсистеме) управления. Также значима проблема планируемого и непланируемого управления. Т. Парсонс считал, что именно политическая власть в обществе является тем обобщающим процессом, который контролирует все остальные. Правительство — высшая точка кибернетической иерархии.

Общество как социальная система, по Парсонсу, характеризуется пятью основными подсистемами:

1) организация политической власти. Прежде всего, всякая политическая власть должна обеспечить контроль над происходящим на территории;

2) социализация, воспитание каждого индивида, начиная с детства. Контроль над населением. Это особенно важно в наше время, когда возникла проблема информационного господства, информационной агрессии;

3) экономическая основа общества: организация общественного производства и распределения между слоями населения и индивидами. Оптимизация использования ресурсов общества, и прежде всего — человеческого потенциала;

4) совокупность культурных норм, воплощенных в учреждениях; в другой терминологии: подсистема поддержания институциональных культурных образцов;

5) система коммуникаций.

Критерием общества как целостной системы является его самообеспечение, высокий уровень самодостаточности по отношению к окружению.

Важное место в концепции общества Парсонса занимают *основные функциональные предпосылки выживания социальной системы*. К ним он относил:

- целенаправленность, то есть стремление к достижению целей по отношению к окружающей среде;
- адаптивность, то есть приспособление к влиянию окружающей среды;
- интеграцию действующих элементов, то есть индивидов;
- поддержание порядка.

Относительно адаптации Парсонс высказывался неоднократно и в разных контекстах. По его мнению, адаптация — «это одно из четырех функциональных условий, которым должны отвечать все социальные системы, чтобы выжить». Он считал, что в индустриальных обществах потребность в адаптации удовлетворяется посредством развития специализированной подсистемы — экономики. Адаптация — это путь, которым социальная система (семья, организация, национальное государство) «управляет средой своего обитания».

Интеграция (равновесность) социальной системы осуществляется на основе общей ценностной ориентации (централизованной системы ценностей). В связи с этим теоретическим конструктом Парсонса возникает проблема: все ли общества обладают централизованной системой ценностей, на всех ли этапах своего существования (воспроизводства)? А если нет, то каковы для них последствия? Так, относительно современного российского общества широко распространены суждения о ценностной расколотости, о сочетании в нем разных ценностных систем, о его пограничном существовании в цивилизационном противостоянии «Запад – Восток».

Что касается такой функциональной предпосылки выживания социальной системы, как социальный порядок, то здесь Парсонс развивал

идею М. Вебера, который считал, что порядок основывается на принятии и одобрении большинством населения одних и тех же ценностей и норм поведения, поддерживаемых эффективным социальным контролем.

Процесс изменений в социальной системе многофакторный и имеет весьма сложный характер. Эти факторы относительно независимы друг от друга. Ни один из них не может рассматриваться как первоначальный. В то же время любое первоначальное изменение будет сказываться на других факторах. Изменения прогрессивного характера отражают способность общества воплотить в жизнь те или иные ценности. При этом имеют место три типа социальных процессов:

1. Дифференциация в обществе. Так, при переходе от традиционного крестьянского хозяйства к индустриальному, производство выходит за рамки семьи. Другой пример: высшее образование ранее было церковным. Затем произошел процесс отделения высшего образования от церкви. К этому мы можем добавить непрерывно идущий процесс дифференциации профессий, возникновения новых социальных слоев и классов.

2. Адаптивная реорганизация, то есть организация, которая должна приспособить себя к новым условиям. Так, например, происходило с семьей, которая была вынуждена приспособиться к новым функциям в индустриальном обществе.

3. Трансформация общества, когда оно начинает включать в себя более широкий круг социальных единиц, становится более дифференцированным, сложным — и за счет появления новых элементов, и за счет умножения связей между ними, и таким образом преобразуется. Трансформация есть изменение совокупности качеств общества, его переход из одного качественного состояния в другое.

Здесь, по мнению Т. Парсонса, возникает вопрос: до каких пор могут сохраняться прежние социальные единицы в новых условиях? Например, традиционное сельское общество в условиях возрастающего доминирования городского, которое строится: а) по месту жительства; б) по месту работы. Конечный вывод Парсонса таков: общество только тогда может нормально функционировать, когда укрепляется взаимозависимость его элементов и растет сознательный контроль над поведением индивидов, когда и механизмы, и структуры обеспечивают устойчивость социальной системы. Общество является саморегулирующейся системой, функции которой — то, что укрепляет, консервирует его структурную решетку, а то, что расшатывает, разрушает общество — дисфункции, препятствующие его интеграции и самообеспечению.

Анализ эволюции человечества приводит Парсонса к выводу, что в ходе развития от примитивных обществ к современным происходит

непрерывный процесс усложнения и роста адаптивной способности. Этот процесс сопровождается тенденцией к росту сознательного контроля над поведением индивидов, что, в свою очередь, позволяет решать главную проблему — интеграции общества.

В столь оригинальной концепции общества, плодотворной для раскрытия его внутренней структуры, есть в то же время и немало уязвимых сторон. Традиционно отмечается, что этот подход в недостаточной степени учитывает субъектность, творческую активность и свободу воли человека, низводя его до пассивного элемента системы. Главное, по мнению критиков, — в рамках данного подхода невозможно объяснить социальные изменения и конфликты. Правда, в функционализме была предпринята попытка перенести акцент с изучения стабильных аспектов функционирования социальных устройств на анализ процессов развития, источник которых усматривался в возрастающей структурной дифференциации, то есть в последовательном и поэтапном усложнении социальной структуры.

Р. Мертон (1910–2003) подверг сомнению идею Парсонса о функциональном единстве общества. Он утверждал, что реальные общества не могут рассматриваться как слаженно функционирующие и полностью интегрированные социальные системы. Мертон показал, что в современных социальных системах наряду с функциональными наличествуют дисфункциональные и нейтральные (по отношению к системе) институты. Тем самым он выступил против постулата о функциональности любого существующего социального института. Отсюда следовал вывод о необходимости в равной степени анализировать как функциональные, так и дисфункциональные последствия элементов культуры. Степень интеграции в различных обществах различна. Р. Мертон выразил несогласие и со взглядом Т. Парсонса на общую систему ценностей как предпосылку устойчивого и гармоничного состояния общества. В силу разнородности общества в нем присутствуют разные системы ценностей, что приводит к конфликтам, подрывающим устойчивость его нормативной структуры. Отсюда в обществе как социальной системе возникают явления дезинтегрированности ценностно-нормативных стандартов, или аномия. Под аномией Р. Мертон подразумевал социальные ситуации, не соответствующие определяемым культурой целям¹. Аномия означает низкую социальную сплоченность как результат распада нормативного и ценностного согласия [22, с. 299–313].

Теоретические конструкции Парсонса были подвергнуты критическому разбору видным независимым автором, «паршивой овцой» американского социологического сообщества Ч.Р. Миллсом. С его

¹ Например, организованная преступность в США в период депрессии 1930-х годов или, добавим, в 1990-е и 2000-е годы в России.

взглядами можно ознакомиться по переведенной книге «Социологическое воображение» [23]. Он считал, что идея нормативного порядка «высокого теоретика» Парсонса направлена на фактическое признание легитимности всякой власти и гармонии интересов в любом обществе; что теория социальной системы Т. Парсонса является научным оправданием стабильных форм господства; что под видом общих ценностей членов общества на самом деле утверждаются символы господства элиты. Миллс полагал, что в мире преобладают общества, инкорпорирующие разнообразные ценностные ориентации, единство которых обеспечивается различными комбинациями легитимации и принуждений. Он строит шкалу — от социальных систем, располагающих универсальными основополагающими ценностями, до систем, где доминирующий комплекс институтов, осуществляя тотальный контроль над членами общества, навязывает свои ценности силой или угрозой ее применения. Отсюда следует многообразие реальных форм «социальной интеграции».

Вот итоговое суждение Ч.Р. Миллса: «Фактически никакую существенную проблему невозможно ясно сформулировать в терминах “Высокой теории”... Трудно представить себе более никчемное занятие, чем, например, анализ американского общества в терминах “ценностного стандарта”, “универсальности достижения” без учета понимания успеха, изменения его природы и форм, характерных для современного капитализма. Невозможно провести анализ изменения структуры самого капитализма, стратификационной структуры Соединенных Штатов в терминах “господствующей системы ценностей” без учета известных статистических данных о жизненных шансах людей в зависимости от величины их собственности и уровня доходов. ... При анализе поражения Германии во Второй мировой войне Парсонс рекомендует направить огонь критики на социальную основу юнкерства как “явление исключительно классово привилегии” и анализирует состав германского государственного аппарата с точки зрения “классового подхода к его рекрутированию”. Короче говоря, неожиданно обнаруживаются и экономическая, и профессиональная структуры, которые осмысливаются в последовательно марксистских терминах, а не в терминологии... нормативной структуры» [23, с. 56–57].

Однако при всей дискуссионности многих элементов теории Парсонса другой столь же целостной концепции общества как социальной системы никем не было выдвинуто. Не случайно, что в 1990-е годы, в сложный период в жизни человечества (крах коммунизма, других форм тоталитаризма и авторитаризма), после многих лет критики и всяческих опровержений именно идеи Парсонса вновь выдвинулись на авансцену социологической мысли. При этом особое развитие они получили в направлении восполнения его теории концепциями демократии и гражданского общества.

Эту работу проделал, прежде всего, ученик Парсонса Джеффри Александер. Он считает, что в данный период вопросы демократии и гражданского общества становятся центральными моментами социологической деятельности. Демократия является необходимостью для эффективно управляемого общества. Этот тезис Т. Парсонса доказал свою живучесть. Только демократия может преодолеть трудности, связанные с деньгами и властью. В связи с этим определяющее место в обеспечении стабильности и в то же время развития общества как социальной системы приобретает гражданское общество. Именно исторические факторы выдвинули на первый план теорию гражданского общества как особой сферы социальной системы. Гражданское общество — это не сфера власти, денег и экономической эффективности, это и не сфера семейных отношений или культуры. Это внеэкономическая и внесоциальная сфера, связанная с неприкосновенностью личности и ее прав, — предпосылка демократии.

В гражданском обществе высоко значение коммуникативных институтов, которые организуют общественное мнение. Эти институты не обладают реальной властью, но у них есть невидимая власть. Один из ее механизмов — опросы общественного мнения. Спонтанность выбора опрашиваемых есть признак гражданского общества, свидетельство уважения граждан как носителей рациональности. Примером их влияния служит воздействие таких опросов на ход войны во Вьетнаме. Важную роль играют mass media. Эти средства есть и в недемократических обществах, но только в демократических они становятся независимыми от других институтов, в том числе от государственных властей и корпораций. Хотя сами по себе и являются крупными капиталистическими предприятиями, mass media представляют общество как таковое. Если страна хочет иметь гражданское общество, то они должны стать рамками для его развития. К компонентам гражданского общества Дж. Александер также относит массовые социальные движения (например экологические, за гражданские права и т. д.); стихийно возникающие группы людей, призванные защищать интересы конкретных слоев общества; независимые от государства учебные центры и др. [3, с. 3–17; 1, с. 112–120; 2, с. 186–205; 36].

Итак, мы рассмотрели общество как социальную систему. Но как быть с бесконечным процессом ее усложнения, упорядочения, усиления адаптации? Где предел этому процессу? Что следует за ним? Со времен Парсонса исследования шли в направлении анализа проблем неравновесности, нелинейности, необратимости и более высокой организованности.

Общество как сложная самоорганизующаяся система

Если во времена Т. Парсонса, как и до него (у К. Маркса, М. Вебера), в центре внимания были исследования равновесия систем,

то в последней четверти XX века произошел кардинальный поворот — к изучению неравновесности, непредопределенности поведения системы. За последние 20–30 лет основное внимание было сосредоточено на теории систем, находящихся в состоянии динамического хаоса, развиваемой лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным (1917–2003).

Его работы основываются на естественнонаучном материале. Но с самых первых публикаций многие социальные ученые восприняли его идеи как имеющие определяющее значение для развития теории общества как социальной системы. Очевидно, что общество относится к сложным самоорганизующимся системам, поэтому оно развивается по универсальным законам, открытым Пригожиным применительно к системам такого типа. Основные из введенных ученым понятия, которыми придется пользоваться, — это *открытая система, нелинейность, порядок, хаос, точка бифуркации*.

Для социальных ученых и аналитиков открытия Пригожина оказались более чем своевременными. Современный глобализирующийся мир, наполненный опасностями, которые грозят самому его существованию, совсем не походит на стабильную устойчивую систему. Поэтому жизненно необходим переход от исследования способов равновесия социальных систем, непредопределенности поведения систем (Маркс, Вебер, Парсонс) к изучению непредопределенности их поведения. Каждое конкретное общество постоянно взаимодействует (сталкивается) с другими обществами — системами. На определенных этапах эти внешние воздействия приводят общество в состояние неравновесности, когда падает устойчивость самого общества в силу внутренних причин.

Рассмотрим это поведение сложных самоорганизованных социальных систем на разных этапах истории, или в обществах разного типа. Определяющая категория здесь — «открытая система». Как известно, исходной общностью людей была первобытная родоплеменная община. Она была почти закрытой системой. Внешние воздействия на нее были минимальны. Поведение людей строго регламентировалось и почти не менялось от поколения к поколению. Предвидеть, что будет в этой закрытой системе и через 100, и через 500 лет, не представляло труда. Затем из родоплеменных систем выросли территориальные общины. Возьмем азиатское общество до потрясений, связанных с колонизаторскими завоеваниями со стороны Запада. Идут кровавые войны, гибнут древние государства, а внизу — все та же неизменная земледельческая община. Открытые системы возникли на Земле в эпоху европейского Возрождения.

Открытые социальные системы с момента своего появления осуществляли свободный обмен всеми компонентами жизнедеятельности: людьми, идеями, товарами и т. д. Конечно, и поныне существуют

так называемые «задержанные», то есть отвергающие шанс превратиться в открытую систему, общества. В них властные структуры сумели заблокировать каналы взаимодействия с внешней средой, остановить инновационные процессы, «подпитку» людьми, идеями, информацией, технологиями извне. Такой системой являлся СССР, и всем известно, чем это кончилось.

Однако внутри отдельных открытых социальных систем ситуация становится неуправляемой, так как многие процессы в современном глобализированном мире проходят в режиме реального времени. Воистину правящей элите в пору бывает воскликнуть: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно». Но, увы, и со сменой ситуации сама элита перестает быть таковой. Риски, катастрофы, неустойчивость становятся повседневностью окружающего нас мира.

Опираясь на общую теорию систем, можно признать, что социальная система является сверхсложной динамической системой, состоящей из большого числа взаимодействующих объектов, включая индивидов и отдельные общности. Сложные динамические системы могут быть линейными и нелинейными. В первом случае система имеет одно стационарное состояние, она в процессе эволюции достигает состояния текущего равновесия, в котором производство энтропии², то есть меры организованности системы, минимально; устойчивость стационарного состояния достигается автоматически. Нелинейные системы, к которым относятся сложные самоорганизующиеся социальные системы, имеют неустойчивые стационарные состояния. Для них не действует теорема о *min* энтропии; напротив, проходящие в таких системах неравновесные процессы ведут к росту энтропии, то есть устойчивость состояния не обеспечивается автоматически. Возможность неустойчивости — причина их сложного поведения.

Такие сложные системы (в том числе — социальные) неравновесны, неустойчивы. Они способны порождать порядок и организацию из беспорядка и хаоса и, наоборот, в результате процессов самоорганизации, в которых важнейшую роль играет случайность. Смысл подобных переходов состоит в поиске устойчивости, то есть достижения такого состояния, когда переходы между состояниями системы прекращаются. Проблема взаимоотношения порядка и хаоса и является центральной в понимании поведения сложных самоорганизующихся систем.

При анализе социальных систем чрезвычайно важно принять во внимание, что они флуктуируют, то есть наблюдаемые параметры

² В теории информации энтропия — мера недостатка информации в системе. Через это понятие выражают также меру организованности системы. В социологии энтропия понимается как мера статистической неопределенности.

таких систем подвержены случайным отклонениям от средних значений. При этом если в области устойчивости флуктуации уменьшаются с течением времени до нуля, то в области неустойчивости флуктуации могут стать, благодаря положительной обратной связи, настолько сильными, что приводят к разрушению данной системы или организации. В такой критический момент — в точке бифуркации — достаточно малых воздействий на систему для того, чтобы она перешла из одного (ранее устойчивого) состояния, ставшего неустойчивым, в новое устойчивое состояние — на более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности и организации.

В системе существуют переходы между разными видами порядка, разными видами хаоса. Не все из этих переходов обладают одинаковой устойчивостью (с точки зрения стремления к ее максимуму). Есть, однако, среди них такой переход, который соответствует принципу максимальной устойчивости. Этот переход и образует то, что можно назвать развитием системы. Итак, развитие в данной теоретической конструкции есть рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный стремлением к максимальной устойчивости.

Все сказанное относится и к социальной системе — обществу, которое выступает как определенный синтез социального порядка и хаоса. Развитие общества — это процесс преодоления противоположности между порядком и хаосом. Социальные кризисы являются фактором перехода от порядка к хаосу. Восстановление же устойчивости происходит через выбор людьми одного из возможных путей развития. Выбор направления развития — равнодействующая всех социальных сил, участвующих во взаимодействии по преобразованию общества. Здесь ключевое место занимают принципы отбора идеалов, на основе которых формируется новое общество как преобразованная социальная система с новыми каналами социализации, новой совокупностью социокультурных ценностей.

Переход от неустойчивости к устойчивости социальной системы требует проведения радикальных изменений в обществе. Проблема — в форме такого перехода. Многие общества осуществили радикальные изменения, избежав революции. Такой переход совершили США во время Великой депрессии, перейдя от традиционных форм индустриального капитализма к форме *Welfare State* с доминированием среднего класса и т. д. В странах Центральной и Восточной Европы переход от стэйтизма к демократии и капитализму также обошелся без кровавых революций, в форме по преимуществу «бархатных революций». Однако такие переходы могут приводить и к реставрации старой системы в новой оболочке, что, по-видимому, и случилось в большинстве бывших советских республик, включая Россию.

Другими словами, изменяющееся общество представляет собой неравновесную социальную систему, то есть общество в стадии,

чреватой революционным действием. Должны быть предприняты целенаправленные усилия, чтобы вернуть гомеостазис (= устойчивое состояние) [см.: 38]. Следует учесть, что во всех обществах устойчивое состояние, закрепленное мощью государства, сильным правлением, ведет к упадку, тормозит процветание и прогресс. Рост в истории наблюдался во времена и в местах смут. Это наблюдение сделал выдающийся экономист Фридрих Хайек, приведя в обоснование своего вывода развитие итальянских городов времен Возрождения и факты из истории Китая.

Возможности прогнозирования и управления развитием социальных самоорганизующихся систем связаны с применением целенаправленного воздействия в момент прохождения ими точки бифуркации (= социальные кризисы).

Применение теории неравновесности, непредопределенности поведения сложных самоорганизующихся систем к социальному миру является заслугой, прежде всего, видного немецкого социального мыслителя Никласа Лумана (1927–1998). Он стремился дать дальнейшее развитие подходу к обществу как социальной системе, который сформулировал Т. Парсонс, его учитель и предшественник. Луман считал воззрения позднего Парсонса, его теорию структурного функционализма единственной общей теорией, пригодной послужить базой для создания современного социологического подхода, который органично включил бы последние открытия в теории систем и кибернетике, основанные на результатах, полученных в естественных науках.

Н. Луман полагал, что «по сравнению с дискуссией о теории в социологии, которая цепляется за классиков и присягает на верность плюрализму, в общей теории систем и связанных с ней междисциплинарных усилиях обнаруживаются основополагающие изменения, может быть, даже “научные революции” Куна. Создание теории в социологии могло бы весьма выиграть, присоединившись к такому развитию. Смена диспозиций в общей теории систем... в большей мере, чем обычно считается, отвечает теоретическим интересам социологии. Однако она требует определенной степени абстракции и усложнения...» По мнению Лумана, необходимо «переформулировать теорию социальных систем на основе достигнутого уровня развития общей теории систем» [20, с. 22, 34].

В парсонсовской концепции социальной системы Н. Луман видел два существенных недостатка. Во-первых, в ней отсутствовала идея самонаправленности, а для Лумана способность общества обращаться к себе является определяющей для понимания его как системы. Идея самонаправленности становится центральной характеристикой социальных систем. Во-вторых, в концепции Парсонса отсутствует категория случайности. По Луману, это приводит к невозможности

адекватно анализировать современное общество как таковое, поскольку не включено предположение, что оно могло бы быть другим. Между тем, это чрезвычайно важное обстоятельство, что отношение между подсистемами и сама система могли быть иными.

Социальные системы самоорганизуются в двух смыслах. Первое — они организуют свои собственные границы, различая то, что составляет систему, и то, что относится к внешней среде. Второе — в пределах своих границ они производят свои собственные структуры. При этом социальные системы всегда менее сложны, чем внешняя среда. Системы должны уменьшать свою сложность, они не могут быть равными своей внешней среде по сложности, иначе они были бы подавлены ею и не были способны функционировать. Среда постоянно предъявляет к системе новые требования, та путем самообновления воспроизводится с их учетом. Современные общества справляются с возрастающей сложностью внешней среды с помощью процесса дифференциации, которая приводит к усложнению самой системы и позволяет ей лучше реагировать на среду, а также ускорить темп эволюции.

Луман выделяет четыре формы дифференциации: сегментарную, стратификационную, центрально-периферийную и функциональную. Первая делит элементы системы на основе необходимости снова и снова выполнять одинаковые функции. Стратификационная — это вертикальная дифференциация в соответствии с уровнем или статусом в системе, понимаемой как иерархия. Центрально-периферийная соединяет сегментарную и стратификационную дифференциации (например сетевая организация транснациональной корпорации). Наконец, самая сложная форма дифференциации — функциональная, преобладающая в современном обществе. Она допускает большую гибкость системы, однако если одна функционально дифференцированная система не выполнит свою функцию, система в целом может разрушиться.

Н. Луман получил признание как самый значительный теоретик социальных систем. В то же время его теория подвергается серьезной и обоснованной критике. Тем не менее, она стала одной из ведущих социальных теорий нашего времени.

Особенности трансформаций посткоммунистических обществ

Приступим теперь, опираясь на изложенные выше общеконцептуальные предпосылки, к рассмотрению процессов трансформации посткоммунистических стран. Очевидно, что нам следует 1) принимать во внимание *эндогенные факторы, которые играют определяющую роль* в трансформациях стран бывшего государственного социализма (несмотря на популярную риторику о влиянии глобального капитализма); 2) сосредоточиться прежде всего на *внутренних*

механизмах самоорганизации. В результате мы обнаружим варианты (модели) развития, которые должны определяться с учетом исторической, культурной, экономической, политической и социокультурной специфики конкретных стран.

Изучение посткоммунистической трансформации общества не может проводиться в рамках линейного подхода. Фокус анализа должен быть направлен на изучение *особенностей переходных состояний сложных систем, их самоорганизации.* Согласно этому подходу общество как сложная система долго не может функционировать без серьезных инноваций (в широком смысле), реформ. В процессе его развития в результате действий различных групп интересов (как ответа на существующие противоречия системы) происходит накопление несоответствий между параметрами системы, приводящее к *нарастанию ее неупорядоченности (энтропии).* По Пригожину, энтропия, достигнув критических значений, может стать источником новой упорядоченности, нового структурированного пространственно-временного поведения системы. Эти *критические значения могут быть весьма далеки от классического равновесия,* понятие которого широко используется в общественных науках.

Социальную трансформацию в контексте теории динамики открытых систем целесообразно рассматривать как процесс относительно быстрого изменения системных свойств общества, что служит ответом на исчерпание либо угрозу исчерпания ресурсов конкретной формы развития. *Трансформация* проявляется, прежде всего, как *естественноисторический процесс,* который подчиняется логике саморазвития и в который — по образному выражению П. Штомпки — «вмешиваются политические решения». В данном процессе однозначным является отказ от прошлых системных качеств и выход общества в поле притяжения множественных вариаций (форм и путей) развития [17, с. 21]. Опираясь на основополагающие идеи теории синергетики, один из ведущих социологов-синергетиков О.Д. Куценко формулирует следующие главные характеристики трансформирующихся обществ.

1. В таком обществе преобладает состояние декомпозиции: проявляется и развивается собственная логика относительно самостоятельных его подсистем.

2. Может существовать множество вариантов структурирования общественных отношений, механизмов их формирования и воспроизводства.

3. Доминантную роль играют не столько целенаправленные процессы и причинно-следственные связи, сколько нелинейные процессы самоорганизации. Самоорганизация, по Куценко, означает процесс формирования различных структур общества, который возникает спонтанно и проявляется скачкообразными переходами от

неупорядоченности к новой упорядоченности, и наоборот. В этом процессе решающую роль играет не цепь причин и следствий, а шансы, которые обнаруживаются в результате ответов на внутренние и внешние возмущения. Важно отметить, что содержание возникающих общественных форм становится следствием кооперативных действий людей и институтов, пытающихся реализовать свои интересы путем приспособления или преодоления структурных барьеров в соответствии с собственными представлениями о том, «что хотим, что можем и как можем».

4. Кооперативные эффекты действий множества людей и институтов при достижении определенной величины приводят к согласованному движению подсистем и к самоорганизации системы. Таким образом, решающим в процессе изменений оказываются выборы людей в ситуации повседневности (а не решения элит). Если ориентации и правила взаимодействий в рамках существующих сетей выборов сильно отличаются от декларируемых институциональными формами, то может происходить инверсия этих форм. Таким образом, история предстает как результат действий социальных акторов, а не следования какому-то определенному пути.

Исследования, проведенные на материалах различных обществ, показывают, что *трансформация европейских обществ «государственного социализма», по сути, состоялась*. Начали более определенно обозначаться основные социальные акторы, отношения между ними, структуры ценностей, правила доступа к ресурсам и их распределения и т. п. Вместе с тем, в результате трансформации общества носят все еще неустойчивый *«посткоммунистический» характер*, их активное движение продолжается, но уже на новых фазах согласования, стабилизации, консолидации институтов и практик, которые проявили себя как наиболее успешные в новых общественных условиях. Результаты произошедшей трансформации бывших обществ государственного социализма остаются *противоречивыми* [17, с. 22–26].

Задолго до О.Д. Куценко поставил вопрос о разнонаправленности путей развития этой группы стран британский экономист и социолог Д. Лэйн (Кембридж): «...Ведут ли революции в посткоммунистических режимах к успешному транзиту в направлении стабильных либеральных демократий, и действительно ли движутся общества государственного социализма к капитализму, или история будет направлять их в сторону формирования новых форм социализма, или к перманентному состоянию запаздывающего развития?» [39, р. 194]. Многими годами позднее изданная под его редакцией книга получила весьма определенное название «The transformation of state socialism. System change, capitalism or something else?» [40].

Как мною было показано в предыдущих публикациях, внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 г. сформировалась и развивалась *этакратическая социетальная*

система (= советская квазисоциалистическая), которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с собственными законами функционирования и развития. Об этом социально-экономическом порядке размышляли многие авторы, но можно считать, что его латентные характеристики и поныне недостаточно осмыслены.

Проблема состоит в том, что в то время, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как *неоэтакратизм*. Другими словами, России не удалось выйти из состояния этакратической закрепощенности, ограничившего ее включение в мейнстрим мирового процесса развития. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

Тот путь, на который с неизбежностью встала Россия, означал отсутствие равенства условий жизненного старта для граждан вне зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах и т. д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно, о немедленном складывании конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством и демократического государства не довелось сбыться. Этот проигрыш был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России на протяжении жизни многих поколений. В противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации и формирования новой властвующей элиты в свою пользу.

Мы здесь не касаемся проблем существующего в России политического режима: при некоторых расхождениях ни один профессионал не сочтет его демократическим. Вопрос лишь в перспективах. На данном этапе развития мировой экономики либеральный капитализм пока не подтверждает своих преимуществ по сравнению с авторитарными системами. Кризис конца нулевых годов укрепил легитимность авторитарных режимов, которые, как оказалось, при эффективном правлении вполне обеспечивают успешную экономическую динамику.

Как отмечает известный политолог Параг Ханна, политические лидеры во всем мире сталкиваются с требованиями обеспечить экономические свободы, социальное равенство и политическую прозрачность, но совсем не обязательно — демократию. Все большее число авторов, особенно из развивающихся стран, высказывают мысль, что «хорошее управление» может предполагать не менее эффективную защиту прав личности, чем демократия. В Африке недавно был сконструирован первым африканским миллиардером, телекоммуникационным магнатом из Судана Мо Ибрагимом «Индекс Ибрагима». Соответственно ему индикаторами «хорошего управления» являются: 1) безопасность и защищенность; 2) власть закона; 3) прозрачность и отсутствие коррупции; 4) устойчивое экономическое развитие и умножение человеческого капитала.

Таким образом, в этом индексе нет связи эффективности с демократией. «На примерах Китая, Сингапура, Малайзии и Вьетнама четко видно, что эффективное промышленное развитие может происходить без всяких предварительно созданных демократических институтов» [30; 31, с. 103, 104].

В России взгляды, которых придерживается Параг Ханна, давно уже не новость. Их сторонники именуют обычно оптимальный для страны режим — режимом авторитаризма развития, реже, по аналогии с историческим опытом, — просвещенным авторитаризмом. Так, В.А. Красильщиков отмечает: «Модернизация в России возможна только как авторитарная, особенно на первых порах. Демократическая модернизация по примеру сегодняшних Бразилии и Чили невозможна по причине отсутствия консенсуса в обществе по поводу модернизации, эгоизма верхов, инертности низов и неразвитости гражданского общества. В то же время настоятельно необходима деприватизация государства на всех уровнях. Без этого государство не станет государством развития» [15, с. 159]. Для молодежи России (поколение двадцатилетних) мягкий авторитарный режим, если он обеспечивает власть закона, отсутствие коррупции, индивидуальный успех, карьеру, комфорт и качество жизни, вполне приемлем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Дж., Коломи П. Неофункционализм сегодня: восстанавливаемая теоретическую традицию // Социологические исследования. 1992. № 10.
2. Александр Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. М.: РУСАКИ, 1999.
3. Александр Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. № 10.

4. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов / Под общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Издательство «Прогресс», 1969.
5. *Блауберг И.В.* Проблема целостности и системный подход. М.: УРСС, 1997.
6. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука / Редкол.: Л.И. Абалкин и др. М.: Экономика, 1989.
7. *Бхаскар Р.* Общества // СОЦИО-ЛОГОС. Общества и сферы смысла / Под ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991.
8. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
9. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
10. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // ТЕЗИС. Вып. 1. М.: Начала — Пресс, 1993.
11. *Гофман А.Б.* О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Под общ. ред. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
12. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Под общ. ред. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
13. *Здравомыслов А.Г.* Теория социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. № 1–2.
14. Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Под общ. ред. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Изд-во «Прогресс», 1969.
15. *Красильщиков В.А.* Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009.
16. *Куценко О.Д.* Деятельностная перспектива в понимании общества: попытка деятельностно-структурного синтеза // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 1.
17. *Куценко О.Д.* Фазы и пути системных трансформаций подобия и различия в бывших странах государственного социализма // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание. Харьков: Харьковский национальный университет, 2004.
18. *Луман Н.* Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, 1999.
19. *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. М.: «РУСАКИ», 1999.
20. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; Под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007.
21. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968.
22. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности: Современные буржуазные теории / Под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1966.

23. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко; Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: NOTA VENE, 2001.
24. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1998.
25. Садовский В.Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития. М.: Наука, 1980.
26. Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1992–1994. М.: УРСС, 1996.
27. Спенсер Г. Основания социологии // Спенсер Г. Сочинения / Пер. с нем. Т. 4. СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1898.
28. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
29. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.
30. Ханна П. Второй мир [пер. с англ.] / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноземцева. М.: Изд-во «Европа», 2010.
31. Ханна П. Демократия или эффективность: вызов XXI века // Свободная мысль. 2010. № 8.
32. Чеснокова В. Фердинанд Теннис. Община и общество // Социальная реальность. 2007. № 3.
33. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972.
34. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9.
35. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997.
36. Alexander J.C. The civil sphere. N.Y.: Oxford University Press, 2006.
37. Bertalanffy L. von General system theory: Foundations, development, applications. New York: George Braziller, revised edition, 1976.
38. Johnson C. Revolutionary change. Stanford: Stanford University Press, 1982.
39. Lane D. The rise & fall of state socialism. Industrial society and the socialist state. Cambridge: Polity Press, 1996.
40. Lane D. (ed.) The Transformation of state socialism. System change? Capitalism or something else? (Studies in Economic Transition). London: Palgrave Macmillan, 2007.
41. Parsons T. Societies. Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Inc., 1966.
42. Wallerstein I. World-System Analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987.